

— Дядечка, молодой господин, прошу входите, — позвала У Бинъюнь, откинув полог.

Когда они вошли, Цзян Сайсюэ была уже полностью одета и причесана. Её приподняли, вынув из-под согретого благовониями мягкого пухового одеяла, и уложили на плотные мягкие подушки.

У Бинъюнь поддержала её, помогая повернуть голову. Перед глазами больной предстали два мужчины — высокий и маленький. Собрав последние силы на слабую улыбку, она уронила две чистые слезинки, которые скатились по лицу и увлажнили длинные ресницы.

— Братец...

Цветок увял и осыпался так преждевременно.

Словно восковые слёзы свечи, время медленно утекало в прощальной беседе.

Используя остатки жизненных сил, Цзян Сайсюэ произнесла самые важные посмертные слова, вверяя сына попечению:

— Братец, о ком я больше всего не могу перестать тревожиться... так это о Чэн-эре. Я лишь прошу тебя: заведи его к себе домой, воспитывай и расти сама, научи всему, чтобы он стал достойным человеком. Только в тебе я уверена...

Сюй Фэнлинь тут же кивнул, не колеблясь ни секунды:

— Хорошо.

— Я ведь всегда больше всего на свете докучала братцу, и братец никогда не заставлял меня разочаровываться.

Услышав этот голос, тонкий и слабый, как паутинка, Сюй Фэнлинь почувствовал, как камень на душе тяжело опустился на самое дно бездны.

Цзян Сайсюэ снова посмотрела на сына и подумала, что его горделивые, дерзкие брови точь-в-точь как у её покойного отца.

Вспомнив о престарелом родителе, она ощутила во рту горький привкус раскаяния.

Заставить седолово родителя провожать в последний путь того, кто моложе, — это поистине... величайшая сыновняя немилость.

Сюй Фэнлинь продолжал говорить о прошлом, а Цзян Сайсюэ слушала с закрытыми глазами.

Дождь на улице не прекращался, шёл всю ночь...

Сюй Фэнлинь тоже не умолкал, проговорив всю ночь...

Гу Ечэн неотступно находился рядом, слушая всю ночь...

Пока на востоке не забрезжил рассвет и небо не окрасилось в серо-зеленоватый оттенок. Гу Ечэн разжал пальцы, сжимавшие руку самого близкого человека, вышел за дверь и объявил о страшной вести.

Во дворе Синья раздался всеобщий плач...

Гу Ечэн думал о том, до чего же странные люди. Когда дело касается любовных интрижек и тайных страстей, они всегда с воодушевлением передают их из уст в уста, не заботясь о том, сколько в сплетнях лжи! А уход из жизни совершенно постороннего человека может заставить их рыдать в три ручья, хотя неизвестно, сколько здесь искренности!

Взять хотя бы Сюй Фаньсинь: порой в ней словно пробивается что-то настоящее, а порой она с жестокостью разрушает это только что забрезжившее чувство, так что человека вечно преследует недосказанность...

Не прошло и часа, как дворик перед главным домом двора Синья впервые за десяток лет ожил с такой шумихой.

Чу Синью сняла шпильки и украшения, не наложила ни грамма косметики, облачилась в белые одежды и встала в самомпереди. Её всхлипывания и слёзы лились нескончаемым потоком, казалось, она убивалась по ушедшей даже сильнее, чем У Бинъюнь и остальные.

Позади неё опустилась на колени целая толпа.

Одиннадцатилетний Гу Цзяньшу, девятилетняя Гу Шунин и семилетняя Гу Юньфэнь, которую прижимала к себе кормилица.

Все эти благородные маленькие господа и госпожи были рождены Чу Синью.

Еще дальше на коленях замерли многочисленные наложницы маркиза Пинчана и сопровождавшие их служанки.

Гу Ечэн стоял с холодным взглядом, опустив глаза, и не обращал внимания на

разыгрывающийся перед ним спектакль.

Он повязал на лоб траурную ленту, облачился в белые конопляные одежды и застыл у дверей, чтобы вовремя отвешивать поклоны от имени скорбящего сына, когда придут выразить соболезнования.

В главном зале уже был заранее заготовлен гроб, его водрузили прямо посередине комнаты.

Крышка гроба оставалась открытой, Цзян Сайсюэ внутри ещё не было.

Бай Чжи и У Бинъюнь привели в порядок облик ушедшей, умыли её и подготовили всё необходимое, дожидаясь лишь помещения в гроб.

У Бинъюнь перестала плакать первой — она знала, что этот день рано или поздно настанет. Сейчас в её сердце полыхал огонь.

По законам династии Да Юй, если законная жена умирала раньше мужа, её погребение должен был лично распорядиться проводить хозяин дома.

Хотя в особник Хунху уже давно отправили весть об утрате, этот маркиз Пинчан всё никак не шёл...

Когда Бай Чжи отправилась справиться о нём снова, доверенный человек Гу Наньфэна по имени Мин Лоу лишь что-то невнятно забормотал в ответ.

Сюй Фэнлинь сидел за чайным столиком в боковой комнате. В его руке находилось тайное письмо, переданное ему У Бинъюнь, — предсмертная записка Цзян Сайсюэ.

Строчки пестрели от переполнявших её невысказанных обид и горечи.

Долго переваривая прочитанное, он сжёг исписанный лист бумаги, вновь собрался с духом и вышел во двор перед главным домом. Навстречу ему шла Бай Чжи; обычно сдержанная девушка в этот момент выглядела мрачнее тучи.

Выслушав сбивчивый рассказ Бай Чжи, Сюй Фэнлинь с потемневшим от гнева лицом зашагал прочь, и его мощная, крепкая фигура подняла целый порыв ветра.

В особнике Хунху, в тёплых и мягких постелях, Гу Наньфэн крепко спал, обнимая новенькую наложницу.

С края шёлкового одеяла свесилась белая, нежная, словно нефрит, изящная рука, а

растрёпанные пряди иссиня-чёрных волос легли на щеку, оттеняя порозовевшее от сна нежное личико, источающее опьяняющий аромат. Эта маленькая красавица приподняла головку с груди Гу Наньфэна.

<http://bllate.org/book/24151/2788421>